

Алексей Тепляков

Карьера Лёнечки Заковского

Чекистская карьера Леонида Заковского продлилась двадцать лет, за которые он прошёл путь от рядового оперативника до заместителя наркома внутренних дел. Заковский прожил типичную жизнь крупного чекиста, в который был постоянный карьерный рост за счёт инициативного и старательного исполнения щекотливых приказов Лубянки, участие в самых кровавых акциях режима и пуля в затылок как финал, типичный для подавляющего числа выдающихся чекистов его эпохи. Отменное знание принципов политического сыска, умение оказаться на острие той или иной значительной политической кампании, собственная команда зависимых от него руководящих работников ОГПУ-НКВД стали залогом карьеры, но не спасли Заковского от позорной смерти.

От юнги до чрезвычайки

Родившийся в 1894 г. в бедной латышской семье, Заковский (урождённый Генрих Штубис) ограничился начальным образованием и профессией жестянщика, зато под влиянием старшего брата-анархиста рано приобщился к революционной деятельности. Плавал юнгой из Либавы в Нью-Йорк и распространял нелегальную литературу. С 1913

года Заковский состоял в партии анархистов, откуда в 1917-м перешёл к большевикам, успев до того отсидеть в тюрьме и отбыть ссылку на севере России.

Активный участник революционной смуты, Заковский (именно тогда обзаведшийся этим псевдонимом) был замечен в боевых столкновениях июля и октября 1917 г. в Петрограде. После победы большевиков земляки во главе с Яковом Петерсом дали ему рекомендацию в ВЧК, манившую многих энергичных представителей нацменьшинств. Став одним из первых сотрудников аппарата большевистской тайной полиции, Заковский сразу обратил на себя внимание Дзержинского, который активно выдвигал расторопных энергичных людей на руководящие посты. Начиная с обысков и арестов рядовой здоровяк-оперативник быстро дослужился до коменданта ВЧК, а уже летом 1918 года вместе с не менее энергичным К. А. Штримпфлером (Владимировым) побывал в секретной командировке в Казани, где участвовал в аресте руководства заговорщицкой организации Бориса Савинкова. Правда, при попытке обыска в Раифском монастыре, где, возможно, укрывался один из ускользнувших заговорщиков, шестеро из отряда Заковского-Штримпфлера были убиты и сожжены местными крестьянами, причём остальные чекисты не рискнули воевать с ними и вернулись в Казань. Вскоре Владимирова, уже успевший прославиться своими зверствами, был арестован и быстро казнён, разоблачённый как агент царской охраны[1]. Заковскому нашли других соратников, и вся вторая половина 1918 года прошла для него в инспекциях местных органов ВЧК и опасных командировках, где чекист организовывал подавление крестьянских восстаний.

«Бешеная рыжая собака» и Одесса-мама

Но самая большая опасность летом 1919 года грозила шедшему в гору чекисту-инспектору от своих. Сепаратизм местных чрезвычайек был настолько сильным, что они позволяли себе то и дело пренебрегать указаниями Лубянки. Так, в Астрахани бесчинствовал, наводя панику на население массовыми расстрелами, Особый отдел 11-й армии Южного фронта, возглавлявшийся садистом Георгием Атарбековым, лично рубившим кинжалом заложников. Заковский, посланный в июле 1919 г. вместе с несколькими помощниками разобраться с астраханскими делами, был немедленно арестован Атарбековым, который всю столичную комиссию приказал расстрелять. Его подчинённые не рискнули исполнить приказ, и Заковский смог вернуться в Москву, сожалея, что «не пристрелил сразу эту бешеную рыжую собаку» Атарбекова[2]. Атарбеков был ненадолго арестован, но затем возвращён в ВЧК и повышен в должности. Заковский же оказался в Московской ЧК и проявил себя в проведении ряда серьёзных чекистских операций.

Весной 1920 года Дзержинский отправил Заковского на Украину в команде Станислава Реденса, назначенного председателем Одесской губЧК. Получив должности в руководстве Особым отделом, а затем

возглавив основной Секретно-оперативный отдел, Заковский стал одним из «чистильщиков» Одессы. Численность основных украинских губчека достигала 2000 человек каждая, так что Леонид Михайлович руководил очень крупным подразделением. В подвалах Одесской чрезвычайки перебивали такие известные личности, как шахматист Алексей Алёхин, писатель Андрей Соболев и молодой тогда поэт Валентин Катаев, которым повезло освободиться. Половина арестованных в 1920-м была освобождена, из остальных расстреляли каждого третьего.

Выполняя установки Особого отдела ВЧК, Заковский в ночь на 16 октября 1920 года арестовал 315 бывших офицеров и военных чиновников, из-за чего «большинство учреждений в Одессе, подведомственных Киевскому военному округу, поставлены в катастрофическое положение»[3]. Основная их часть была некоторое время спустя освобождена, но многие не вырвались из подвалов Заковского: только в 1920-м одесские чекисты арестовали 10 225 чел. и расстреляли 1418. Одним из крупнейших дел, сфабрикованных подчинёнными Заковского, стала объединённая организация белогвардейцев, петлюровцев и польских шпионов, по которой 194 чел. были арестованы, из них 100 — расстреляны. Также среди расстрелянных в 1920 году было много опасных уголовников и целых 150 валютчиков[4]. Приходилось рисковать, арестовывая бандитов, и руководству губчека, но Заковский был не робкого десятка.

Работа в Одессе, где криминал стал бытовым явлением среди самих чекистов, дала возможность Заковскому обделывать и сомнительные делишки, поскольку губернские чека обладали очень большой самостоятельностью в секретных расходах на агентуру и могли в широких размерах присваивать имущество арестованных и расстрелянных. Показав себя в Одессе способным организатором массовых репрессивных операций, Леонид Михайлович в начале 1921 года был выдвинут на самостоятельную работу, возглавив аппарат Подольской губЧК в Виннице. Работа в этом кишевшем повстанческими отрядами регионе, где хлопцами атамана Завгороднего были при бегстве из осаждённой Винницы пойманы и убиты глава губчека В. И. Вильдгрубе вместе с председателем губревкома Н. Г. Казицким, где один лишь повстанческий отряд К. Березницкого (25 бойцов с пулемётом) уничтожил около 20 советских работников[5], потребовала огромных усилий.

Губчека руководила аппаратами четырёх уездных ЧК (по 65 чел. каждая) и четырёх политбюро (от 17 до 36 чел.). Также в её состав входили пограничные особые отделения и посты. В январе 1922 года губчека в Виннице располагала всего 112 осведомителями, почти все из которых были «расшифрованы», в феврале сексотов было 100 — малоквалифицированных и халатных из-за мизерности жалованья. Эта сотня агентов предоставила в феврале 133 доклада, отчитываясь в расходах «дутыми счетами, которые трудно проверить». В марте из-за отсутствия денег и сокращения пайка «большинство из ценных

осведомителей... отказывались работать». К 1 апреля 1922 года в Виннице имелось всего 15 сексотов, но за апрель был завербован 41 новый, а убыло только трое. Из этих 53 агентов половина (25 чел.) занималась наружным наблюдением («топтуны»), остальные — внутренним, контролируя деятельность разных учреждений[6].

С января по апрель 1922 года чекистами Винницы было арестовано 546 чел., освобождено — 274, расстреляно — 42, осуждено на разные сроки — 18, умерло в тюрьме — 10, бежал — 1. Работа Подольской губЧК в марте и апреле из-за материальной необеспеченности и постепенной реорганизации в губернский отдел ГПУ характеризовалась Заковским как пришедшая в упадок и просто «незначительная», а отчёты сотрудников бывали «очень запутанными и часто ложными». Тем не менее в марте были ликвидировано три банды, в том числе К. Березницкого и Коваленко, убитых в боях, а месяцем ранее по делам Могилевского и Ямпольского повстанческих комитетов чекисты смогли арестовать около 250 чел.[7] Осенью 1922 года питомцы Заковского смогли ликвидировать отряды основных атаманов губернии.

ГубЧК боролась и с массовыми хищениями с сахарных заводов. На эти заводы под видом бандитов налетали и милиция, и отряды 1-го Конного корпуса червоного казачества, причём особой дерзостью отличалась штабная комендантская сотня. Это при том, что сам комкор Виталий Маркович Примаков летом и осенью 1921 года был начальником Подольского губернского участка по ликвидации бандитизма! Хотя 9-й дивизией корпуса командовал знаменитый в прошлом уголовник Григорий Котовский... Среди крупных дел выделялось разоблачение в феврале 1922 г. работников Подольского губугрозыска по обвинению в вымогательстве и получении взяток на 23 млн руб. Чекистов привлекали и к разным вспомогательным делам, так что ими были составлены 11 комиссий, включая комиссии по борьбе с пожарами, выяснению потребности в дровах для мельницы № 10 и определению процента отбросов при убое свиней.

В марте 1923 года Заковский, признанный лубянской верхушкой одним из лучших руководящих чекистов Украины и награждённый орденом Красного Знамени, получил под начало престижный Одесский губотдел ГПУ. Тёмные дела, которые то и дело проворачивал шедший в гору чекист, сильно раздражали лидеров Украины, и они, дав в 1925 году Заковскому выговор, выдавили его за пределы республики. Он успел принять участие в расследовании пьяной ссоры, в которой был застрелен легендарный Котовский (причём сначала пытался настаивать, что Григорий Иванович в пьяном виде сам нечаянно выстрелил в себя)[8], а в конце 1925 года навсегда покинул Украину. Отметим, что широко известный по мемуарной книге Б. Ширяева «Неугасимая лампада» сочный эпизод с арестом лубянской инспекцией верхушки одесских чекистов, купленной с потрохами якобы организатором

огромной контрабандной империи Нафталием Френкелем, не имеет никакого отношения ни к реальному Френкелю, ни к одесским чекистам.

Сибирские «массовые операции»

Оказавшись с подачи руководства Лубянки полномочным представителем ОГПУ по Сибирскому краю, Заковский на шесть лет осел в Новосибирске, выстраивая огромный карательный аппарат, состоявший из 19 окротделов, множества отделений транспортных и особистских органов. Сгоряча он бросился менять подходы в агентурной работе, пытаясь подключить контрразведку к разработке «кулацких организаций», за что немедленно получил выговор от Генриха Ягоды, заставившего Заковского отозвать свой приказ. В декабре 1926 года полпред по указанию Сталина пытался разыскать подлинник приветственной телеграммы в ознаменование отречения Михаила Романова, подписанный будущим сталинским врагом Львом Каменевым, однако обнаружил и отослал только опубликованный газетный текст[9]. Правда, не очень ясно, почему сей документ Сталин велел искать не в конце 1925 года, когда Каменев открыто выступил против «кремлёвского горца» на XIV партсъезде, а лишь год спустя, когда Каменев уже потерял серьёзное политическое влияние.

Имея полную информацию о настроениях общества, Заковский налегал на борьбу с многочисленными бандитскими отрядами, особенно активными в восточной части Сибири. Полпред ОГПУ рапортовал о ликвидации десятков бандотрядов, но в последующие месяцы, несмотря на массовые расстрелы, число банд увеличивалось, возрастая численностью с каждым годом. Население сочувствовало повстанцам, часто даже и тем, кто занимался обычным криминалом. Откликаясь на «шахтинский процесс», Заковский в 1928 году сфабриковал множество дутых дел на специалистов в области строительства и горного дела, но большинство из них при рассмотрении в судах развалились.

Зато атака на крестьянство под видом борьбы с кулацким саботажем была предпринята настолько успешно, что её результаты одобрил сам Сталин, охрану которого во время двухнедельной поездки в Сибирь в начале 1928 года обеспечивал именно Заковский. Уже в начальный период коллективизации чекисты Сибири за октябрь-декабрь 1929 года арестовали около 2500 тыс. представителей «антисоветского актива», подлежащих осуждению внесудебными органами. А в 1930-м они, столкнувшись с массовым крестьянским сопротивлением «раскулачиванию» и целым рядом восстаний, обрушили на сибирскую деревню исключительно жестокий репрессивный удар. С 1 января по 20 апреля 1930 года было ликвидировано 50 «повстанческих организаций» с 3935 участниками, 597 группировок с 5049 участниками и 7076 «контрреволюционных одиночек». Также за это время было подавлено четыре восстания с 1720 участниками, 135 массовых антисоветских выступлений и «волынок». Тройка расстреляла за 1930-й 4700 человек по обвинениям, в основном, в заговорщицкой

деятельности, причём половина от этой цифры была уничтожена за февраль, март и апрель.

Московская комиссия, проверявшая весной 1930 года работу судебной тройки Заковского, сделала ряд замечаний: ряд дел оказался особенно цинично сфабрикован, смертные приговоры выносились лицам, на которых не было обвинительного материала. Среди расстрелянных «повстанцев» то и дело оказывались отслужившие своё сексоты, а начальник секретного отдела полпредства ОГПУ П. М. Кузьмин за протесты против особенно оголтелой фабрикации дел оказался исключён из состава тройки. Осудили москвичи и факт установления Заковским лимита на расстрелы священников, обвинённых в активной организации повстанческих группировок — расстрелу подлежала десятая часть от имевшихся 2000 священнослужителей края[10]. Но в целом проверявшие работу Заковского оценили её как успешную, сломавшую хребет повстанческой активности.

Полпред также опустошил хозяйственные учреждения края, искореняя «вредительство», и в начале января 1930 года писал Ягоде о крайней нехватке сотрудников в подразделениях экономического отдела полпредства. Объём работы по «вредительству в сельском хозяйстве» во второй половине 1929-го резко расширился, а «арестовывать некому»[11]. В течение 1930 года Сибирь лишилась лучших специалистов, в застенке оказался и теоретик ракетостроения Юрий Кондратюк. Также Заковский создал огромную систему крестьянской ссылки: весной 1931 г. полпред организовал выселение в северные районы края 140 тысяч «раскулаченных» и расстрелял с помощью тройки более тысячи «врагов народа», а ответные два восстания (в Нарыме и на севере современной Новосибирской области) были жестоко подавлены. Несмотря на обычный для всех чекистов формализм в работе с агентурой, из-за которого подавляющее большинство завербованных не давали сколько-нибудь серьёзной информации, чекистская работа Заковского была оценена высоко. Весной 1932 года он был переброшен в Минск.

«Враги» в Белоруссии

Срыв в 1932—1933 годах хлебозаготовок, плана весеннего сева и других кампаний чекисты БССР объясняли вредительством крупных повстанческих и диверсионно-шпионских организаций. Только агентурное дело «Конденсатор» по вредительству в системе Наркомата земледелия и Трактороцентра объединяло 650 чел. С мая 1932 по апрель 1933 года люди Заковского насчитали 296 массовых протестных выступлений с 4201 участником, 347 поджогов «социалистического имущества» и 23 убийства активистов. С 1 мая 1932 по конец апреля 1933 года в республике было арестовано 43 522 чел., в основном по политическим мотивам (расхитителей было 4340, спекулянтов — 4303). Тройка за этот период рассмотрела 5792 дела на 19 191 человека и осудила: к расстрелу — 2176, в лагерь — 12 672,

к высылке — 3939, условным срокам — 310, к прочим мерам — 50, освободила — 44 чел.

К маю 1933-го ещё не были закончены дела на более чем 10 тысяч арестованных, а далее планировалось «работать» по дополнительно выявленным 27 тысячам «кулаков» и прочим врагам[12].

В 1933 г. полпред развернул широкие аресты «польских шпионов», представив Сталину список из десятков раскрытых «резидентур». Руководителем крупного заговора Заковский сделал бывшего наркома земледелия Белоруссии К. Н. Масюкова, снятого в 1932-м за «националистический уклон». В марте следующего года Масюков был арестован и 16 сентября 1933 года осуждён Коллегией ОГПУ за руководство «контрреволюционной повстанческо-диверсионно-шпионской организацией» к расстрелу с заменой на 10 лет лагерей[13]. Параллельно шло интенсивное истребление национальной интеллигенции, включая известных писателей и учёных. В 1934 году по жалобам арестованных деятельность Заковского по фабрикации дел на белорусских «националистов» рассматривала комиссия из ЦК ВКП (б), но Заковский смог убедить её в реальности выбитых следственных материалов, а Ягода назвал дело «Белорусского национального центра» просто замечательным.

Зачистка Ленинграда и финал карьеры

После убийства Кирова именно Заковский был назначен начальником Ленинградского облуправления НКВД. Сначала он произвёл массовую очистку города от «бывших людей», изгнав в ссылку порядка 11 тысяч человек. Затем настала пора глубокой чистки пограничных районов и обнаружения тысяч «шпионов» всех возможных разведок. В Ленинграде окончательно оформился сильный клан из сторонников Заковского, среди которых выделялись пригретые ещё с сибирских времен начальники ключевых отделов УНКВД А. К. Залпегер и Г. А. Лупекин. Репрессивная активность команды Заковского шла с полного одобрения Сталина и стремительно наращивавшего аппаратный вес Николая Ежова, который постоянно встречался с начальником ЛенУНКВД и называл его когда Лёничкой, а когда — бандитом. В конце 1935 г. Заковский лично от вождя получил вновь учреждённое звание комиссара госбезопасности 1-го ранга, став одним из шести высших руководителей НКВД, удостоенных этого звания. В 1937-м Заковский был одним из наиболее деятельных организаторов Большого террора, заработав орден Ленина и повышение по службе: в январе 1938 года его назначили начальником УНКВД по Московской области и заместителем наркомвнудел.

Умение Леонида Михайловича находиться на пике репрессивных кампаний до поры до времени устраивало Сталина. А в начале 1938 года вождь энергично его расхвалил за усердие при разоблачении эсеров, противопоставив Заковскому как неважного работника собственного

свояка Станислава Реденса: «Реденс как чекист не стоит левой ноги Заковского. ...Желаю успеха товарищу Заковскому»[14].

Однако сам Заковский боялся разделить участь своих соплеменников, жалуясь коллегам: «Подвели нас латыши, нет доверия». Сын заместителя Ежова Михаила Фриновского сохранил характерную для эпохи террора сцену пьяной ругани двух крупных чекистов — Заковского и начальника Московского УНКВД Василия Каруцкого, споривших, кто из них настоящий предатель и шпион и кого в итоге арестуют первым (Каруцкий выиграл, но вскоре предпочёл застрелиться)[15]. Заковский имел неосторожность в тесном кругу чекистов порассуждать о Сталине в достаточно критическом духе. Интересно, что его младший коллега — Анс Залпетер, выдвинутый Заковским в центральный аппарат НКВД, резко критиковал уничтожение Сталиным и выдвинутыми им чекистами высшего слоя советской номенклатуры. Залпетер говорил, что «не в состоянии спокойно смотреть на те безобразия, которые творятся в органах НКВД и приводят к тому, что сотни лучших людей, ни в чем не повинных, уходят в могилу, став жертвой «бдительности», получившей широкое распространение со стороны проходимцев, старающихся нажить себе на таких делах капитал... Так дальше продолжаться не может, это приведёт к ещё большим и ненужным жертвам...»[16]

Что говорил сам Заковский о «вожде народов», неизвестно. Но в апреле 1938 года недолго занимавшему свой пост замнаркома были предъявлены обвинения и в плохой работе (массовые протесты в Таганской тюрьме, ставшие благодаря переписке арестантов с волей достоянием гласности) и политические претензии. Решением политбюро ЦК ВКП (б) Заковского сняли и вскоре, 29 апреля 1938 г., он был арестован. После сталинского решения выдвинуть в первые заместители наркома внутренних дел Лаврентия Берия Ежов приказал срочно закончить следствие на группу, как он выразился, «людей Ягоды» (хотя это были в основном ежовские выдвиженцы). И уже 29 августа 1938 года они прошли через заседание Военной коллегии Верховного Суда СССР. Приговоры выносились только расстрельные и приводились в исполнение немедленно. Потенциально опасный для Ежова его заместитель был отправлен в подвал и убит выстрелом в затылок, после чего тело Заковского исчезло в огненных объятиях крематория Донского кладбища. В один день с Заковским были расстреляны, помимо чекистов, палач Крыма Бела Кун и хорошо известная Заковскому супруга партийного диктатора Сибири Роберта Эйхе Евгения Рубцова.

В истории Заковский остался одним из выдающихся палачей советской эпохи. Также он стал героем фантастического романа В. Звягинцева, где оказался отождествлён с другим реальным чекистом — бывшим махновцем Л. Задовым, и упоминался в лжемемуарах литературного пройдохи Л. Гендлина «За Кремлёвской стеной». В 1987 году военная прокуратура признала его не подлежащим реабилитации.

А следы бесчисленных преступлений Заковского продолжают раскапывать исследователи репрессий. У них ещё очень много работы...

г. Новосибирск

Родина. 2014. № 2. С. 130–133.

Примечания

[1] Чекисты Татарии. Казань, 1990. С. 4–15; Николаев А.Б. Революция и власть. 4-я Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 500–501.

[2] Скоркин К.В. На страже завоеваний Революции. История НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. 1917–1923. М., 2011. С. 848.

[3] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1225. Л. 5–6; Лущик С. Аресты бывших офицеров осенью 1920 года в Одессе // «Дерибасовская — Ришельевская». Альманах. Вып. 1 [12]. Одесса, 2003. С. 31–40.

[4] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1225. Л. 46; Известия Одесского губревкома. 1920. № 327. 22 дек.

[5] Горліс-Горський Ю. Холодний Яр. Львів, 1992; ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 11509 (л. д. А.Д. Морозова).

[6] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1202. 13 об., 16. Л. 16 об., 4, 1, 3 об., 4 об., 7, 8, 12 об.

[7] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1202. Л. 4 об., 4, 8, 13, 17 об., 18 об., 11, 11 об., 7.

[8] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1202. Л. 2 об., 7, 3; Савченко А.В. Котовский. — М., 2010. С. 209.

[9] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 137. Л. 49, 164–183.

[10] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 220. Л. 127, 141–142, 152.

[11] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 220. Л. 10.

[12] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 657. Л. 11, 3, 4, 7, 12, 14.

[13] РГАСПИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1125. Л. 86.

[14] Известия. 1937, 8 июня; Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. II. Февраль 1956 — начало 80-х годов. М., 2003. С. 578–579.

[15] Поминальные списки Карелии, 1937–1938: Уничтоженная Карелия. Ч. 2. Большой террор. Петрозаводск, 2002. С. 20; Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М., 2008. С. 167, 151.

[16] РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 7695. Л. 1.

<http://rusk.ru/st.php?idar=67017>